

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

◀ НЕПОЗНАННОЕ ▶

ИЗ ПЛАМЕНИ И ДЫМА
Военные истории

Бушков. Непознанное

Александр Бушков

**Из пламени и дыма.
Военные истории**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бушков А. А.

Из пламени и дыма. Военные истории / А. А. Бушков —
«Эксмо», 2020 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-04-110462-7

Мы думаем, что о Великой Отечественной войне мы знаем всё. Или почти всё. Знаем о чудовищных потерях, о непереносимой боли, о страданиях, страхах и лишениях. Об этом ведь столько уже написано! Но кто поверит, что у войны есть скрытая тайная, мистическая сторона, о которой фронтовики либо вообще не рассказывают, либо – с большой неохотой. В 1943 году летчик-истребитель, выполняя боевое задание, вдруг увидел вынырнувший из облаков странный, лишенный винтовых моторов гигантский белый самолет. Много лет спустя, уже будучи немолодым, он снова увидел этот же лайнер в кинохронике достижений народного хозяйства – с авиазавода только что вышел флагман советской авиации Ил-62... В бою на Курской дуге был подбит наш танк. Командир взвода, выбравшись из горящей машины, упал на землю, но вместо вражеских «тигров», пехоты и артиллерии вдруг увидел вокруг себя странных конных всадников с копьями и мечами в руках... В подвале старого австрийского дома советские офицеры стали свидетелями необъяснимого, мистического явления, о котором не рискнули докладывать вышестоящему начальству, чтобы не оказаться в психиатрической лечебнице...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110462-7

© Бушков А. А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

На полонину приходи...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Александрович Бушков

Из пламени и дыма

Военные истории

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бушков А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

На полонину приходи...

Положа руку на сердце, в глубине души недолюбливаю я все, связанное с Украиной. Как увижу эти вышиванки, казаков, услышу «мову» – как изжога подступит. Прекрасно понимаю, конечно, что нельзя обобщать и переносить отдельные негативные впечатления на весь народ, но ничего не могу с собой поделать. Софию Ротару никогда слушать не мог. «На полонину приходи...» Во мне словно спусковой механизм срабатывает, вспоминаю, сколько мы хлебнули горького на этих полонинах и каких ребят там оставили...

Давайте по порядку. Поскольку вас рекомендовал известный нам обоим товарищ, можно откровенно...

Начало сентября сорок седьмого. Мы – спецгруппа МГБ, считая и меня, восемнадцать человек при трех «Виллисах» и двух ручных пулеметах. Базировались мы в селе, которое я, простите, по названию упоминать не буду. Пошло б оно, это название...

Как легко догадаться, учитывая место действия, гоняли мы там «трезубов» по этим самым полонинам, лесам и буеракам. «Гоняли» – вообще-то громко сказано, что уж тут. Делали, что могли, за три недели нашего пребывания достался нам только один и тот остывающий – ну, об этом я подробнее в свое время...

Там обосновался фигурант по кличке, или, как они сами говорили, «псевдо» Смок. Порусски – Дракон. Но непростой дракон, а этакий сказочный, который золотишко копит, красных девиц утаскивает, человеком может оборачиваться. Ему подходило. Сволочь неопишутая. Не просто командир, а чин из службы безопасности. Зверье из зверья. Не говоря уж о нас и местном населении, своих при малейшем подозрении резали в капусту. Чья-то умная голова туда отправила двух геологов. Не буду рассказывать, какими мы их потом нашли, ну не стоит...

Знаете, конечно, что такое схрон? Так вот, качественный, надежно поставленный схрон обнаружить крайне трудно, даже используя служебную собаку. Можно стоять над ним – и не определить. Прекрасно было известно, что у Смока есть схрон, где их сидит человек примерно сорок, имелась кое-какая агентура, доставшаяся от предшественников, но найти его никак не удавалось. Что до войсковой операции... Майор Мережин из областного управления, мое непосредственное начальство, сказал прямо: если по каждому схрону проводить войсковую операцию, войск не хватит, да и не напросишься, вы уж сами постарайтесь, не дети малые, с фронтовым опытом. Хотя прекрасно понимал, как и я, что фронтовой опыт тут абсолютно ничем помочь не может, не те условия.

Смутное описание Смока у меня имелось: за сорок, лицо тонкое, породистое, вид интеллигентный «абы учитель чи профессор», в золотых очках. И все. Местный учитель, кстати, под такое описание подходит полностью, разве что очки не в золотой оправе, а в никелированной, но он на глазах, освещен агентурой, про него точно известно, что никакой он не Смок, и на затаившегося врага вообще не тянет, разве что, как старый кавалер¹, любит приволокнуться за молодухами, частенько с взаимностью, но это уж его дело, ни в партии, ни в комсомоле не состоит, так что прорабатывать его за моральный облик некому... Пусть ему соперники синяки ставят, что, по информации, иногда случалось...

Так вот. Село было зажиточное и большое – дворов в сотню с лишним, с католической церковью, со школой, с большим трактиром, с гончарной мастерской, двумя кузницами. Дома там, в отличие от наших деревень, не лепятся друг к другу, а разбросаны далеко, вольно, словно горсть карамелек по полу рассыпали. Нашими скромными силами невозможно было полностью взять под контроль столь обширный терен², и мы, глядя правде в глаза, ночью про-

¹ Холостяк (польск.).

² Район (польск.).

сто-напросто сидели в глухой обороне. Пускали, правда, ночные патрули, но особого толку от этого на столь обширном пространстве... Так что и к бабке не ходи, и агентуру не тревожь – и так ясно, что «трезубы» при необходимости в село ходят как к себе домой.

Генерального сражения, если можно так выразиться, Смок нам не собирался давать. Как многие из них, сидел и выжидал, когда против Советского Союза начнут войну Англия с Америкой, и уж тогда-то он в открытый бой пойдет, что твой Наполеон... Кусали по мелочи: обстреливали машины на шоссе, ловили неосторожных бедолаг вроде тех геологов, однажды сняли у нас часового – а ведь три года воевал в полковой разведке! – пару раз кидали ночью гранаты без всякого успеха, спалили один наш «Виллис», подкинули нашему Караю мясо с мышьяком, но он его на земле оставил, пес был ученый, не взял бы кусочка даже от нас, исключительно от проводника.

В селе Смок, можно сказать, и не зверствовал – однажды только застрелил мужика непонятно за что. Может, не согласился на них работать. Да двух дурех, что слишком далеко забрались в лес по ягоды, изнасиловали, замотав себе рожи тряпками, но это уж наверняка не по приказу Смока, а из чистой самодеятельности. Причин лютовать у него, в общем, не было: в селе не имелось ни советских активистов, ни «ястребков»³, ни единого члена партии или комсомольца, а председатель сельсовета сидел как мышь под метлой, так что временами казалось, будто его нет вовсе. Был милиционер, но его убили на дороге уже при нас, а нового еще не прислали. В общем, никакой опоры Советской власти, не считая агентуры, да и та поголовно не идейная, а попавшая в информаторы по разным другим причинам... Иногда казалось, что ты в другой стране, честное слово.

Обстановку я обрисовал, теперь можно и про Янину.

Красивых я видывал, но таких – редко. Года двадцать два, фигура, стать, походка... Волосы каштановые, чуть не до пояса, глазищи карие, огромные... Блузка белоснежная с богатой вышивкой, юбка либо красная, либо синяя (она любила яркие), на шее затейливое мони-сто. Идет – плывет... Зубы сводит у любого нормального мужика, что уж там...

Жила она с дедом, но не в какой-нибудь развалюхе – добротная такая, не маленькая изба, хозяйство немаленькое, со свиньями, с курами, с коровой, большой огород, земельная полоска приличная. И управлялась она со всем этим, особенно не прикладывая рук, – вечно у нее там и сям добровольные помощники, причем не из одних холостых парубков, как следовало бы ждать от такого случая: солидного возраста мужики и бабы помогали в том и в этом.

Уже дней через несколько, едва там обосновавшись, мы ее взяли на заметку в первую очередь. Была у нее привычка порой целыми днями шастать по окрестностям, уходя далеко в лес, – этакая купринская Олеся, ага... Наши ребята, начавши рыскать по лесам, ее пару раз встречали черт-те где. И ведь нисколько не боялась! Хотя прекрасно было известно, что Смоковы хлопцы при удобном случае любую под куст завалят, а уж такую красавицу...

Какая мысль возникает в первую очередь? Правильно. Связная. Иначе почему не боится? Ведь никак не деревенская дурочка – умная, на язычок острая, женскую школу окончила в бывшем уездном городке, а ныне райцентре, книг я у нее дома сам видел штук пятьдесят – и на украинском, и на польском, и на немецком. Заходил официально, в целях знакомства с местным населением. И разговор она поддерживала не как селянка, а скорее уж как городская панночка. Что опять-таки вызывало подозрения: почему такая не обосновалась где-нибудь в городе, а сидит в этом медвежьем углу? Нет, здорово тянет на связную...

Естественно, как любой на моем месте, я, как только узнал об этих ее продолжительных прогулках, организовал наружное наблюдение. При должном навыке незаметно следить за человеком в лесу в сто раз проще, чем в городе. А ребята у меня, не хвастаясь, были опытнее, чем индейские следопыты из романов.

³ Истребительные батальоны из местной штатской молодежи.

Вот только все три раза они ее теряли. Очень быстро. Каждый раз разные. Разводили руками, смотрели в землю, чистосердечно признавались, что понятия не имеют, как вышло: вроде бы вот только что была на виду, в белоснежной блузке, то красной юбке, то синей, и вдруг – как растаяла...

Тогда я их попросту ругал нещадно, ни о чем не задумываясь, но это был первый звоночек... Встретился я ночью в укромном местечке с одним из агентов, и, когда разговор зашел про Янину, он мне вовсе уж шепотом:

– Пан капитан, це ж ведьмачка! Святой крест, Матерь Божья, ведьмачка! – и крестится всюю.

Я ему приказал не распространять тут мистику, неуместную при Советской власти. Только остальные трое мне говорили то же самое. Факты давайте, мистики мохнорылые, как вас, хотя вы и не читали, поименовал писатель Шишков! А нету у них конкретных фактов. Все знают, и точка. Общие фразы: мол, может людей лечить, может помочь в том и этом по-своему, а может и навредить так, что сохрани Господи. Факты! Мнут, бекают, мекают, общими фразами отделиваются, один так и заявил: мол, не пытайте, пан капитан, тут такое, что не подвластно никаким властям и никакой полиции, ее в войну немцы обходили за километр, а в сорок шестом сам Довбуш, сдуру вздумавший поухаживать, из ее хаты вышел, как очумелый, тут же собрал своих и ушел из села, и никогда его тут больше не видели...

И вот что было: наш Карай, если им с проводником случайно придется встретиться с Яниной, прижимал уши, обходил далеко, вроде бы и хвост поджать готов. Проводник мне жаловался: мол, не понимает, что с собакой, это с нашим Караем-то, которого однажды пускали в хату, где засели трое бандеровцев, – и он не получил ни царапинки, зато двоим правые руки вмиг порвал так, что оружие они бросили, а третьему в буквальном смысле глотку вырвал. Зверь, в хорошем смысле. Трехлеток, с тельца, хоть на кого пускай...

И как-то вскоре подошла ко мне на улице Янина, улыбаясь, глядя своими карими глазами невинно, как дитяtko, спрашивает вкрадчиво:

– Ппане капитан, може, мне на шее бубенец носить, как корове? Чтобы вашим хлопцам было легче?

Я, признаться, так и не нашелся, что ей ответить моментально и достойно. Она постояла, улыбнулась так, что сердце замерло, – и поплыла дальше. Встретились двое дядьков в возрасте – капелюхи свои сняли, кланяются ей, словно панскому управляющему в польские довоенные времена. А она, бровью не поведя, идет мимо, как королева. Частенько я замечал и до того, и после, что перед ней мужики капелюхи сдергивают, а бабы чуть ли не приседают...

А через день-другой приходит ко мне Вася Зуйко, известный покоритель и разбиватель дамских сердец, который мимо панны Янины ну никак пройти не мог. Вид у него – как говорится, пыльным мешком из-за угла ушибленный. Волосы чуть не дыбом, зубы чуть не лязгают, лица на нем нет. И говорит: товарищ капитан, слово офицера, так все и было...

Встретил он где-то Янину, остановился почесать язычок. Янина особого интереса не выказывает, но и не обрывает, стоит, слушает, улыбнется отрешенно, будто все это ее только забавляет. Васюк наш, приободрившись, попробовал ее ожерелье указательным пальчиком потрогать: мол, до чего красивое... Дите малое, ага, монист он не видал, непременно нужно пальцем потрогать...

И тут вместо ожерелья у нее на шее обнаруживается натуральнейшая громадная гадюка, обвилась в два витка, голову выбросила, шипит, целится цапнуть за палец... Васю поневоле на метр отнесло: натуральнейшая змеища! Местные, что случились поблизости, разговор обрвали: змею видели они там или нет, а уж как Вася шарахнулся, не могли не видеть... Янина говорит что-то вроде:

– Пан поручик, душевно умоляю, не тратьте красивые городские слова на простую деревенскую дивчину. И монисто у меня красивое, и сама я не уродина, но не про вашу честь. И дело не в вашем мундире, я девушка разборчивая и капризная...

Улыбнулась и пошла себе как ни в чем не бывало...

Принюхался я – трезвый, конечно, парень дисциплинированный. Недолго думая, хоть это и не по уставу, взял я его крепенько за глотку, гимнастерку в кулак собрал, говорю ледяным тоном:

– Вы мне, товарищ старший лейтенант, этого не говорили, а я соответственно не слышал. Советскому офицеру, тем более сотруднику госбезопасности, о всякой мистике болтать никак не надлежит... тем более уверять, будто он с ней сталкивался самолично. Я ясно выражаюсь? Ах, ясно... Вот и извольте запомнить накрепко: разговорчики эти прекратить, чтобы ни одной живой душе... И к девушке, кстати, не приставайте, змея там или не змея, а не похоже, чтобы вы ей нравились... Как стоите?!

Васюк вытянулся, как положено, и я его отпустил, еще раз повторив, чтобы не распускал язык. Только к тому времени мне было точно известно, что среди ребят пошли... разговорчики. Касательно панны Янины. С тем самым мистическим уклоном. Началось, такое впечатление, от тех, кто за ней следил и терял ее в лесу. При мне – ни словечком, так что крайних я найти не могу, не в силах взгреть соответствующим образом. Но точно знаю, что разговорчики имеют место быть. Впервые у меня в группе такое – чтобы втайне от командира шли посторонние разговорчики, тем более на столь скользкую тему. Так что настроение оставляет желать лучшего.

А той же ночью один из агентов, опять-таки чуть не зубами лязгая, говорит:

– Везучий у вас офицер, пан капитан, или, я так думаю, у панны Янины было доброе настроение. В сорок третьем немецкий унтер-офицер ее хлопнул... пониже спины. Что-то его отнесло, как давеча вашего пана поручика, люди видели, отошел он шагов на сто, присел на лавочку, вынул револьвер и пальнул себе в голову. Хорошо еще, что это двое немцев видели, так что селу не было никаких неприятностей... Да и ваш поручик не особенно и распускал руки... Вы его уж предупредите, чтобы не лез больше, а то мало ли что...

Рявкнул я на него шепотком, велел прекратить эти разговорчики и никогда больше с ними ко мне не соваться. Только настроение у меня и без того давно уже было препаршивейшее. С одной стороны, ведьмам быть не полагается. Никак не полагается на тридцатом году Советской власти, пусть даже здесь эта власть появилась не так и давно. С другой стороны, я – капитан МГБ, с довоенным пограничным, фронтовым смершевским и послевоенным опытом. Умею работать с информацией. Так что, если рассуждать отстраненно и логично, анализировать информацию и самих информаторов, приходишь к совершенно неприемлемому выводу: что-то такое да есть... И, кстати, пан ксендз на нее поглядывает будто поверх винтовочного ствола, будто на прицел взял – но исключительно в спину, лицом к лицу смотрит безразлично, раскланивается вежливо, – и словно бы откровенно боится ее служитель культа...

Сатанею я потихонечку от поганости ситуации. С одной стороны, невозможно, с другой – что-то такое просматривается, если на косвенных. Одно ясно: нет пока что доказательств ее связи со Смоком, спасибочки и на том...

Ситуация разрешилась внезапно и круто, без малейшей моей в том заслуги...

У Янины был старший брат в соседнем селе, километрах в двадцати. Поскольку она числилась в разработке как возможная связная, навели справки и о ближайших родственниках, из которых, не считая проживающего с ней деда, только и оказался этот самый Ян. Ян, понимаете ли, и Янина... Видимо, родители сказки любили, у местных есть какая-то сказочка про Яна и Янину, уж и не помню сейчас, в чем там сюжет...

Ну, что... По советским меркам, натуральный кулак с большим хозяйством, с наймитами и наймичками, то бишь батраками и батрачками. Компрометирующими материалами область

не располагает. Судя по всему, чихать ему с колокольни на любые политические силы – и на нас, и на бандеровцев, и, надо полагать, на все остальное. Типичный куркуль. До которого не доходят пока руки, но коллективизация, говорят в области, намечается и здесь. Но – компромата нет. Янина к нему в гости ездит частенько, отношения вроде бы теплые, по-настоящему родственные.

И ночью темною, плюнувши на исторический материализм, спрашиваю у одного из агентов: а что с этим Яном, ничего такого? Он, моментально понявши и ничуть не удивившись, отвечает: та ни, пане капитане, Ян-то обычный, как все, как вот мы с вами, в церковь ходит (а Янина, кстати, в церковь ни ногой, даже когда у них был какой-то большой праздник, и все туда отправились, детей вели, младенцев тащили, потому что оставить не с кем, село как вымерло, если не считать нас. Дед ее потащился, а она пошла гулять по лесу). И уточняет: Ян и не может быть никаким таким, это ж только одному человеку передать можно, вот бабка Янине и передала, а уж бабка у нее была, я вам сейчас расскажу...

Я его оборвал и велел перейти к текущим делам. Возвращаюсь и думаю, что торчим мы в тупике, что тут бы не грех разыграть оперативную комбинацию, только какую? Внедрение не пройдет, область пробовала еще весной, человека посылали опытного, кадрового сотрудника, но от него потом обнаружилась только голова, которую смоковцы в село еще живому тогда милиционеру на крыльцо подбросили... По материалам, Смока в свое время еще польская дефензива взять не могла, а там не дурачки служили. И тогда уже на нем было с полдюжины трупов: полицейские, еще кто-то...

А к обеду прошел слух: ночью Яна со всем семейством кончили...

Мы – в два оставшихся «Виллиса», поскольку это сугубо наше дело, и на полсотни километров вокруг, кроме нас, нет представителей органов, не считая двух милиционеров в селах и уполномоченного областного МГБ, который как-то ухитряется тут выжить аж с марта. Не успели отъехать – бежит Янина, первый раз видел, чтобы она бежала. Как-то так вышло, что без всяких просьб с ее стороны и разговоров мы ее сажаем в машину – и по газам. Готовы встретить засаду, стволами ошетинились. Янина сидит, лицо как у мертвой, бросает мимоходом:

– Не цепляйтесь вы так за бронь⁴, пальцы аж побелели... Никого на дороге не будет.

Мы особенно не расслаблялись, но засады и правда не случилось. Приехали. Ну, что... Типичный почерк Смока. Ян был женат, дочке лет тринадцать и мальчишке лет шесть. Всех четверых кончали холодным оружием, жену с дочкой сначала изнасиловали, но ни их, ни пацаненка не уродовали, а вот Яну лицо покровсали так... Явно мертвому – соседи клялись, что ни единого вопля ночью не слышали, хотя кто их знает...

Потолковали с милиционером, уполномоченным. Версия одна. С нашими Ян никогда не имел никаких связей – так что, скорее всего, Смок ему предложил работать на себя, а Ян, по своей привычке жить сам по себе, отказал в лоб.

Пускали Карая – следы обработаны, он не взял. Написали бумаги и уехали. И снова я по дороге думаю, что нужно попросить войсковую поддержку, и думаю, что хрен мне ее и на этот раз дадут...

И снова потянулись обычные будни. День на четвертый прибегает хлопчик – я его уже смутно помню, живет где-то неподалеку, – и, сдернув кепчонку, сообщает, что «панна Янина требует к себе пана капитана». Именно что требует, понимаете ли...

Я к ней пришел тут же. Она стоит, осунулась, щеки запали, но все такая же красивая, глаза нехорошо блестят, словно в лихорадке, а злости в них... Человека с такой злостью в глазах можно посылать с гранатой под танк, и он пойдет, я на фронте такое видел...

Не дав мне сказать ни слова, она спросила:

– Хочешь взять Смока?

⁴ Оружие (польск.).

И я, не раздумывая, ответил:

– Еще как.

Янина сказала:

– Живьем ты его не возьмешь. Но по земле ему больше не ходить. Да и всем...

– Повезет, панна Янина, возьму и живьем, – сказал я. – Дело знакомое...

– Не возьмешь, – ответила она. – Сядь за стол и сиди спокойно.

Я сел. Она поставила передо мной глубокую тарелку с водой – там плавали какие-то листики порезанные, свежие, но непонятно какого растения. Зашла мне за спину. Я, видимо, явственно ворохнулся – ну, кто ее знает? – слышу, она фыркнула:

– Не бойся. Ты мне ничего плохого не сделал...

И кладет мне ладони на виски – теплые, ничуть не дрожат, сжимает виски так, что оба ее колечка, и на правой руке, и на левой, кожу давят чуть ли не до боли, но я терплю и не шевелюсь. Она начинает шептать что-то.

Сознание у меня ясное, но все вокруг помаленьку словно бы затягивает туманом, и вскоре я уже ничего не вижу, кроме воды в тарелке, и вода сначала краснеет, потом мутнеет, потом на ее месте образуется словно бы иллюминатор, и я за ним вижу человека по пояс. И не похоже это ничуть на современное телевидение – словно я смотрю в самое натуральное окошко, в иллюминатор без стекла.

Стоит он где-то под елкой и курит спокойно. Лицо, и точно, можно выразиться, породистое: черты тонкие, нос с горбинкой, губы в ниточку, темноватые. Очки круглые, в золотой оправе. Если вспомнить скудные данные и сопоставить... Смок, сволочь! Тут и гадать нечего!

Откуда-то издали доносится голос Янины:

– Насмотрелся?

Едва выдавливаю из себя:

– Теперь и в темноте узнаю.

Смок пропал, и вместо него появилась поляна, наблюдаемая словно бы с некоторой высоты, словно я сижу высоко на суку на опушке. Приглядывался я, приглядывался... Характерная такая поляна. По форме вроде неправильного треугольника, справа, где склон, меж деревьями голая серая скала проглядывает, слева дерево явно расщеплено ударом молнии. И эту поляну я знаю, были мы и там. Километрах в десяти от села. Карай там ничего не обнаружил, да и мы тоже.

А потом все пропало, и зрелище, и туман, в тарелке снова вода с непонятными листьями. Янина убрала руки и говорит:

– А теперь слушай. Веришь ты или нет, но сделать ты должен именно так.

Минут через пять я чуть ли не бегом вернулся в одну из наших хат. Ребята все при деле – кто оружие чистит, кто воротничок подшивает. Только Вася Зуйко, поставив правый сапог на табурет, начищает его со всем усердием, а левый уже сверкает, как зеркало. Увидев меня, снял ногу с табурета, выпрямился и чуть ли не с мольбой:

– Товарищ капитан, ничего вроде бы не предвидится... Разрешите отлучиться?

Я стою и молчу. Трогаю через галифе в кармане, что она мне дала, и в голове ни единой мысли. Вася говорит:

– Буду просить, чтобы вышла за меня. Не могу я без нее, ночи нет, чтобы не снилась...

– Отставить, жених, – сказал я. – Не время. Боевая тревога...

Как мы, семнадцать человек с Караем и двумя ручниками, уместились в двух невеликих «Виллисах» – отдельная песня. Ничего, уместились, проехали километров восемь до поляны, а оставшееся расстояние прошли пешком, со всеми предосторожностями. Могли и часовых выставить, хотя в прошлый раз мы ничего такого не засекли, прошли спокойно и ушли спокойно. И вот она, поляна...

Оцепить мы ее оцепили, но по скудости наших сил оцепление получилось хиленькое, со значительным расстоянием меж бойцами, но откуда ж мне подкрепление взять... Когда все были в готовности, я зашел за куст, чтобы никто, не дай бог, не увидел. Ни к чему мне потом лишние вопросы и разговоры. Не бывает, так не бывает...

Достал скляночку, что мне дала Янина, – маленькую, широкую, темного стекла, горлышко закрыто плотной бумагой, натуго перевязано черными нитками. Как наставляла Янина, пробил я бумагу пальцем, не трогая ниток, перевернул скляночку вверх дном. Посыпалась оттуда какая-то труха наподобие измельченных корешков, кусочки змеиной кожи, еще какая-то дрянь... Высыпал аккуратно, все до крошечки – и нисколько мне, советском офицеру, коммунисту и чекисту, не стыдно, что я это делаю, голова ясная, пустая какая-то, ни о чем я не думаю и не хочу думать, и плевать мне, что бывает, а что нет, я Смока взять хочу...

Лег, приготовил автомат. Поглядываю на часы. Минут через пять в двух концах поляны земля с травой встает дыбом, открываются два великолепно замаскированных люка...

И как они оттуда сыпанули! Ну вот если напихать полный мешок диких зайцев, подержать сутки, а потом вынести в поле и вытряхнуть, то будет примерно то же самое... Даже почище – зайцы будут к свету привыкать, а эти уж сыпанули... Отталкивают друг друга, орут благим матом, мечутся...

Вот тут мы и начали работать изо всех стволов. Ввиду их значительного численного превосходства миндальничать не стоило – много пленных нам, в общем, без надобности, а если они очухаются и завяжут перестрелку, придется туговато – народец опытный и выдавший виды... Поэтому их в основном клали на месте – ну, не наобум Лазаря, а с оглядкой, я всем описал Смока и велел брать живым, он нам был крайне интересен связями с их зарубежной штаб-квартирой или, как это именовалось, «центральным проводом».

И кончилось все довольно быстро: ну, два ручника и пятнадцать автоматов... по совести говоря, получилась бойня, какой я ни прежде, ни потом не видывал. Ну да кто бы их жалел...

То ли двое, то ли трое, опамятававшиеся, все же прорвались – положили гранатами двух наших и порскнули в чащобу. Я отправил за ними троих с Караем, а сам занялся осмотром.

Результат был такой: тридцать два трупа... ну ладно, кой-кому из тех, кто явно кончался, помогли... один взят в плен целехоньким, еще двое легкоранеными. Смока среди них не наблюдалось. И тогда мы через оба люка, двумя группами пошли в схрон. Без всякой опаски – драпали они оттуда так, что вряд ли кто-то озаботился поставить мины. Светили фонариками, шли в хорошем темпе.

Схрон был сработан на совесть, как многие, которые я уже видел: все обито досками, пол-потолок-стены, строилось на совесть, с расчетом на долгое пребывание. Где-то тут у них должна быть и вентиляция, и клозет. Запашок, конечно, как обычно – хоть прищепку на нос вешай...

И тут я слышу впереди этакий собачий скулеж с подвыванием. Звуки странноватые. Выскакиваем втроем в коридор направо (коридоры были длинные, да и ярусов наверняка два-три), я свечу фонариком, Акимов с Талафевым – автоматы на изготовку...

А он, Смок, словно бы и не чувствует, что попал в луч фонарика, – плетется вдоль стены, ощупывает доски руками, как слепой, скулит, будто кутенок, которого топят... Опасности от него никакой, сразу ясно.

Я тихонько позвал:

– Пане Смоче!

Он рывком повернулся на звук. Смотрел я на него какие-то секунды, но впечаталась мне эта рожа в память навсегда: перекошенная, дикая, без очков, глаза словно бельмами подернуты, и от них до подбородка две полоски крови, подсохшей уже, но накапавшей и на френч...

Я сказал уже громко:

– Ну вот и свиделись, пане Смоче! МГБ!

И тут он, слепой, с фантастической быстротой, на ощупь, рвет с пояса «лимонку», прижимает ее к груди, как лялечку, а кольцо так и осталось на поясе, чека выдернута, от запала дымок...

Едва мы успели отпрянуть за угол – тут и ахнуло. Взрывная волна нехило шухнула по коридору, осколки прожужжали... Когда мы высунулись снова, он еще подрыгивал ногами. А вид... Ну, у человека, который рванул «лимонку», прижавши ее к груди, вид получается малоприятный. Остается от него немало, но выглядит оно...

– Дальше пойдем? – тихонько спрашивает Акимов.

А я отчего-то совершенно точно знаю, что во всей этой норе больше нет ни одного «трезуба». И команду – на выход.

Тем временем вернулись те трое. Салимов, проводник, несет Карая, и сразу видно, что ничем тут уже не поможешь – голова болтается, глаза стеклянные, язык наружу... А Салимов все равно несет – он же его щенком взял в питомнике, выучил...

Оказалось, один из беглецов, самопожертвовател сраный – а может, по приказу старшего, – лег в засаду. Успел положить Карая, пущенного на длинном поводке, как самого на тот момент для них опасного, а ребята моментально рухнули и загасили его из трех стволов. Судя по следам, двое ушли. Но без собаки их по чашкобам уже не найдешь – ну да искать будет просто, они ж теперь без схрона, начнут по деревням прятаться, найдем, это проще...

Пришлось, уже не спеша, делать целых три рейса. Мы не только отвезли пленных, прихватили, завернув в найденную там же немецкую плащ-накидку, то, что осталось от Смока: противно, а надо. Прихватили еще двух жмуриков. Пригодятся. Был тогда такой порядок, быть может, по нынешнему взгляду и негуманный: этаких вот жмуриков выставляли в населенных пунктах на всеобщее обозрение. Наглядная агитация, так сказать: закрепят, чтобы не кувырнулся, автомат на шею, пистолет в руку, на грудь повесят табличку, где написано, кто он таков есть и как докатился до такой жизни... Было, было... Ну, обыскали схрон на скорую руку, забрали все бумаги, какие нашлись на виду. Скрупулезный обыск – это уже дело оперативников, не наше. Да еще я прихватил интересный трофей: американский кольт, на который в разных местах самопальным образом приварено штук семь антабок, то есть скоб, чтобы подвешивать под одеждой и стрелять из самых разных положений.

Развернули рацию, связались с областью, доложили все подробно и обстоятельно. Попросили автотранспорт. Нам вскоре ответили, что с транспортом полная запарка, в данный момент на территории области проходят сразу три боестолкновения, все в разгоне, а привлекать посторонний, согласно предписаниям, не следует. Велели подождать сутки-двое: никуда не денутся ни наши пленные, ни наши жмурики. И правда, никуда не денутся. Смотришь, тем временем и отыщем следочек тех двоих, чтобы уж зачистить как полагается...

Пленных я допрашивал поодиночке: ну конечно, без всяких стенографисток и записей, у меня и бумаги-то не было. Это потом, в области, будет им допрос со всей культурой...

Так вот, все трое, хотя сговориться, конечно, они не имели никакой возможности, показывали одно: сидели они в схроне, как у батки за пазухой, все было нормально и спокойно – и вдруг свет вспыхнул какой-то слабый и нелюдской. В чем последнее заключается они никак объяснить не могли, но именно это слово все трое употребляли. И посыпались на них змеи откуда-то с потолка, натуральные гадюки, кучами, начали кусать за что придется, и такой ужас их взял, что они всей бандой ломанулись наружу, не думая и не рассуждая.

О чем я думал? Да исключительно о том, какая радость, что я их слушаю один, и мне не приходится все это на бумагу фиксировать. А больше и ни о чем...

На следующее утро, когда все было тихо и спокойно, Вася Зуйко снова попытался скво-зануть по известному адресу с известными предложениями. Взял я его за гимнастерку, как в прошлый раз, только послабее, матернул и спросил:

– Васюк, ты что, придурок? Девка себя от горя не помнит, а ты к ней свататься... Оставаться в расположении, то есть ни шагу со двора. Прямой приказ старшего по званию и командира.

Он зыркнул, как солдат на вошь, но приказу подчинился...

Янину я так больше и не увидел. Живой, я имею в виду.

Никто не ожидал, а они, те двое, пришли ночью. Едва сумерки легли. Лампа керосиновая у нее в горнице горела, занавески, как всегда, не задернуты – кто б решился за ней в окошко подсматривать. Дали из двух автоматов чуть ли не в упор...

Вот почему она, такая, не почувяла? То ли не умела, то ли от горя у нее что-то такое отключилось, а? Ну кто ж скажет... Потом уже выяснилось, что один из тех двух был родной племянник Смока, и пленные болтали, будто его опасались, потому что он что-то умел. Не ведьмак, но что-то такое умел... От наших гранат это его не спасло. Именно оттого, что эти двое бродили по окрестностям, я на ночь посылал восемь человек парными патрулями обходить село. Один такой патруль оказался поблизости, рванул на выстрелы, столкнулся лоб в лоб, началась перестрелка, тут уж мы все вылетели, кроме тех двух, что охраняли пленных...

Мы их загнали в сараяшку на окраине села, обложили. На предложение сдаться они ответили огнем. Ну, оставалось помаленьку сжимать кольцо, козыри все у нас...

И тут Васюк Зуйко, который уже знал, что и как, попер огородам на эту хилую сараяшку, как сопливейший новобранец или полный идиот: в полный рост, как на параде, лупит короткими от бедра... Никто не успел кинуться, ноги ему подбить, свалить... Срезали они его наповал. Ну, что... Живыми они мне были без надобности, и я приказал забросать сараяшку гранатами, что и было быстро исполнено. Ахнули в том числе противотанковую, предназначенную для схрона, сараяшку разметало... Один еще дергался, я его дострелил.

Пошел в дом к Янине – мне полагалось по службе... Дедок молится под иконами, меня не видит и не слышит, она лежит... Удивительно, но лицо не задело. Совершенно спокойное лицо, ни испуга, ни боли, ни даже удивления, глаза открыты, такая же, как всегда, только в лице ни кровинки. Стою я, смотрю на нее, и в голове крутится одна мысль: почему, если этого не должно быть, оно все равно есть? Стою. В доме какое-то явственно слышное царапанье и шуршанье непонятно откуда, на чердаке словно ребенок тихонько похныкивает. Что-то жутковато мне стало, битому, прошедшему огни и воды, с автоматом на плече. Ушел я.

Назавтра, часов в десять утра, прикатили три «студера» – один с оперативниками, два под все наши грузы. Погрузились мы и уехали, и больше меня в ту деревню не заносило, хотя в той области я служил еще семь месяцев.

В области имело место кое-что... Дня через два, когда я уже готовился принимать новое задание, меня вызвал майор Мережин, мой непосредственный начальник. Разрешил закурить, дымит сам и сидит, молчит. Крепкий такой мужик, с ранней проседью, пятнадцать лет в органах, в тридцать седьмом сел, в тридцать восьмом был выпущен, восстановлен и реабилитирован, и, говорили, с тридцать седьмого у него и появилось аж восемь железных фикс вместо зубов. Сложное было время...

Потом прикуривает одну от другой и спрашивает:

– Вот как ты сам думаешь, можно представлять по начальству твой рапорт, где ты подробнейшим образом расписываешь, как все было?

Не особенно и раздумывая, я отвечаю:

– Пожалуй, что нельзя.

– А зачем же писал?

– Как полагается, – говорю я. – Подробнейшим образом, ничего не упуская... Положено ведь. Не первый год...

– И вот так оно все было? – спрашивает он без особого любопытства, но очень серьезно.

Глядя ему в глаза, отвечаю:

– Так. И пленные показали...

Он закурил третью от второй, посидел... Говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.